

УДК 811.161.1'42:32+070

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СЛОВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Звягина Е. С.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

В статье предлагается анализ современной концепции интертекстуальности, характеризующей одно из важнейших свойств текста – взаимодействие с другими текстами. Рассматривается проблема соотношения интертекстуальности и аллюзии как частного случая проявления межтекстовых связей.

Ключевые слова: интертекстуальность, текст, интертекст, аллюзия.

Актуальность данной проблемы обусловлена высоким интересом исследователей в отечественной и зарубежной лингвистике к когнитивным механизмам порождения и восприятия текста. При всей многочисленности работ, большая часть из которых написана в последние два десятилетия, представление интертекстуальности очень широко: от традиционного литературоведческого термина до структурного образа фрагмента текста. Актуальность работы определяется также недостаточной разработанностью классификации и критериев дифференциации элементов цитатной речи и, в частности, аллюзий как их разновидности. Кроме того, исследование аллюзивных интертекстов открывает возможность для изучения особенностей национального сознания, отраженного в политических текстах, а также определения механизмов воздействия посредством данных единиц.

Цель настоящей статьи – выявление семантико-прагматических признаков интертекстом с учетом их функционирования в текстах современных СМИ.

Научная новизна исследования заключается в описании дискурсивной природы интертекстом, выявлении системы семантико-функциональных факторов порождения аллюзий, интерпретации механизмов интертекстуальных включений в различных жанрах политического дискурса, что позволяет определить дальнейшую разработку концепции интертекстуальности с учетом последних достижений в лингвистике текста.

Исследователи отмечают, что одним из системообразующих признаков современного политического текста является интертекстуальность – присутствие элементов других текстов, что «обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и – шире как элемента национальной культуры» [22, с. 27]. В текстологических исследованиях последних двух десятилетий доказывается идея, связанная с тем, что каждому тексту свойственна интертекстуальность: каждый текст является интертекстом, т.к. происходит «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных

или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 346].

На неоднородность и нецелостность текста указывают и сами определения интертекстуальности и интертекста. И. И. Ильин отмечает: «...всякий текст является реакцией на предшествующие тексты» [10, с. 206].

Выделяются различные формы интертекстуальности, варьирующиеся от автора к автору. Так, по мнению Хайнеманна, интертекстуальность может выражаться в следующих формах – цитаты, намеки, парафразы, текстовой коллаж, пародии, травести [21, с. 60].

Аллюзия является одним из проявлений интертекстуальности и определяется как «стилистический прием, заключающийся в использовании намека на реальные общеизвестные факты, события» [4, с. 35]. Феномен текстовой аллюзии начал активно изучаться лишь в конце XX века, поэтому рамки этого понятия еще не четко определены. Общим для всех определений является интерпретация аллюзии как косвенной ссылки на какой-либо факт, лицо или событие, предполагающиеся известными. Аллюзия, по классификации Ж. Женнета, является одним из типов межтекстовых связей: интертекстуальность как «соприсутствие» в одном из текстов двух или более текстовых текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.) [Цит. по: 19, с. 121]. По мнению И. Р. Гальперина, стилистический прием *аллюзия* «является средством расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических и др. персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании» [6, с. 110].

В определении И. В. Арнольд аллюзия рассматривается как «прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт – это стилистическая фигура референциального характера, опирающаяся на экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний» [2, с. 89].

Основными источниками возникновения аллюзий служат культурно-исторические продукты, созданные в разное время и составляющие культурный фонд языка: литературные произведения, мифы, библейские тексты, исторические события, песни, фильмы, речи политиков и общественных деятелей, анекдоты, а также незначительные происшествия, на время приковавшие всеобщее внимание.

По замечанию И. Р. Гальперина, «в структурном плане аллюзия представляет собой слово или фразу» [6, с. 187]. В этом плане интересна точка зрения В. П. Москвина, утверждающего, что основой аллюзии можно считать только однословную единицу либо ряд однословных единиц, не отражающих лексико-грамматической структуры исходного текстового фрагмента. Таким образом, аллюзия «представляет собой фрагментарное, неточное воспроизведение части какого-либо текста» [12, с. 65]. По мнению лингвиста, аллюзия «может быть определена как прием, состоящий в ассоциативной отсылке к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности [12, с. 65].

Подчеркивая имплицитное смысловое содержание конструкций, М. А. Захарова справедливо отмечает, что аллюзия – это свернутая когнитивная модель

прецедентной ситуации, что определяет статус аллюзивного имени собственного как пограничного явления, относящегося к сфере памяти и, тем не менее, являющегося частью системы языка [9, с. 32].

Индикаторами «аллюзивного процесса» могут служить различные языковые единицы: слово, словосочетание, высказывание [11].

В соответствии со своим источником (литературный текст, историческое событие и т.д.) В. П. Москвин подразделяет аллюзии на текстовые (литературные, библейские, мифологические) и нетекстовые (исторические и бытовые) [12, с. 65]. При рассмотрении функциональных признаков определяется номинативная и цитатная аллюзия, главное различие между которыми заключается в типе денотатов: «в номинативной аллюзии денотат практически любой, в цитатной аллюзии – это, прежде всего, текст, а также метонимически связанные с ним объекты (например, пародия на какое-либо определенное лицо, где наряду с мимическими и другими паралингвистическими особенностями воспроизводятся и чисто лингвистические тождественные элементы с целью отсылки к пародируемому лицу)» [8].

Интересную классификацию аллюзий предлагает М. Д. Тухарели. В исследовании лингвиста классификация аллюзий строится с учетом их семантики: 1. Имена собственные – антропонимы, часто встречаемые в художественном произведении зоонимы – имена животных, птиц; топонимы – географические названия; космонимы – названия звезд, планет; ктематонимы – названия исторических событий, праздников, художественных произведений и т.д.; теонимы – названия богов, демонов, мифологических персонажей и т.д. 2. Библейские, мифологические, литературные, исторические и прочие реалии. 3. Отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции [18, с. 16-17]. По мнению М. А. Захаровой, аллюзия может определяться как специфический намек, особенность которого состоит в «иносказании», т.е. в косвенной, путем упоминания какого-нибудь имени или названия, отсылке к общеизвестному литературному произведению или историческому факту. Суть аллюзивного эффекта стоит в трансформации смысла текста-реципиента [9, с. 33].

Аллюзия, таким образом, является интертекстом, элементом существующего текста, включаемым в создаваемый текст. В то же время интертекстуальность, в первую очередь, объясняет саму возможность взаимопроникновения текстов, факт существования их в объединенном пространстве в виде единого текста, который представляет собой вся человеческая культура [7, с. 95].

Рассмотрим некоторые наиболее распространенные аллюзии в текстах русскоязычного политического дискурса украинских СМИ. Так, аллюзивное словосочетание *перейти Рубикон* (Rubicon из лат. *tubere* – быть красным, окрашиваться в красный цвет), по данным лексикографических источников, означает «сделать бесповоротный шаг, совершить решительный поступок, пройти точку невозвращения» [5, с. 1036].

Обратимся к историческому смыслу: выражение возникло из рассказов Плутарха о переходе Юлия Цезаря через Рубикон – реку, служившую границей между Италией и римской провинцией Галлией. В 49 году до н. э., вопреки запрету

Римского сената, Юлий Цезарь со своими легионами перешел Рубикон, воскликнув «Жребий брошен!». Это послужило началом войны между сенатом и Юлием Цезарем, в результате которой он овладел Римом [23, с. 501].

Как показал контекстный анализ политических текстов, аллюзивное словосочетание *перейти Рубикон* с опорным словом-топонимом Рубикон является одной из активных эксплицитных интертекстем, реализующих интертекстуальные семантические связи. По данным Толкового словаря русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова *перейти Рубикон* – сделать бесповоротный шаг совершить решительный поступок, пройти «точку невозвращения» [17, с. 1393]. В основе интерпретации данного словосочетания лежит конкретное историческое событие: переход Юлия Цезаря через Рубикон – реку, служившую границей между Умбрией и Цизальпинской Галлией.

Контекстуальная семантика Рубикона «граница, предел чего-либо, о труднопреодолимом препятствии» [14, с. 1374] связана с компонентами 'граница', 'пересечение', движение по которой означает новый, вероятно, неожиданный ход событий. При описании функциональных особенностей интертекстемы необходимо отметить как глагольную модель (чаще всего с глаголами движения «перейти», «перешагнуть»), так и атрибутивно-субстантивную («политический рубикон», «финансовый Рубикон», а также предикативную «выборы – рубикон» и др.).

Данная аллюзия является одной из ключевых единиц среди других интертекстем в политических текстах СМИ 2010-2011 гг.: *Предвыборная баталия за президентское кресло имела все шансы стать «политическим рубиконом», который должна пройти вся страна...* (Корреспондент, 02.12.2010). *Выборы Президента способны стать неким Рубиконом, благодаря которому мир сможет увидеть новую Украину* (Корреспондент, 25.11.2010). *Мэр перешел рубикон и приступил к финальной стадии фальсификации выборов* (Корреспондент, 02.09.2010). *Для этого другим, прежде всего, должен стать сам президент. Его Рубикон – это коалиция* (Зеркало недели, 29.11.2010). *Финансовый рубикон перейден. И сегодня можно дальше двигаться* (Зеркало недели, 5.07.2010). Семантика ключевого слова *Рубикон* связана с бесповоротностью совершенного действия, принятием решения, после которого какой-либо факт может изменить жизнь: жребий брошен, колебания закончены, действия начаты и изменять что-либо уже поздно.

В результате проведения контекстного анализа обнаружилась высокая степень частотности аллюзивного словосочетания *Пиррова победа* с опорным словом-антропонимом Пирр. Данное словосочетание определяется как «победа, доставшаяся слишком дорогой ценой; победа, равносильная поражению. Этимологически данное выражение восходит к реальным событиям, имевшим место в Древней Греции. Так, в 279 г. до н.э. произошла известная битва, при которой эпирская армия царя Пирра в течение двух дней вела наступление на войска римлян и сломала их сопротивление, но потери были столь велики, что Пирр заметил: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска» [3, с. 564].

Обратимся к данным лексикографических источников. В Толковом словаре С. И. Ожегова *Пиррова победа* определяется как «победа, стоящая таких жертв, которые делают ее равносильной поражению (по имени эпирского царя Пирра,

победившего римлян ценой огромных потерь» [16, с. 509]. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой подчеркивает семантику военных ценностей в следующем определении: *Пирров* прил. Обесцененный чрезмерными потерями (о победе) [15, с. 867].

В Словаре иностранных слов аллюзивное словосочетание интерпретируется таким образом: «*Пиррова Победа* [от имени эпирского царя Пирра, одержавшего над римлянами в 279 г. до н.э. победу, стоившую ему огромных потерь] – сомнительная победа, не оправдывающая принесенных ради нее жертв» [13, с. 389].

Во Фразеологическом словаре, составленном А. И. Федоровым, данное словосочетание определяется следующим образом: «*Пиррова победа*. Книжн. Победа, обесцененная чрезмерными потерями», «по имени эпирского царя Пирра, одержавшего победу над римлянами ценой чрезмерных жертв» [20, с. 96].

Семантика аллюзивного словосочетания *Пиррова победа* связана с компонентами ‘большие потери’, ‘дорогая цена победы’ – *выборы оказались для регионалов, скорее, пирровой победой* (Зеркало недели, № 47 (827), 18-24.12.2010). При описании функциональных особенностей интертекстымы, во-первых, необходимо отметить активное использование формы множественного числа: *Пирровы победы* Кабмина (<http://polemika.com.ua/news-35401.html>, 19.08.2011), во-вторых, возможность написания конструкции со строчной буквы, что позволяет сделать вывод о частотности выражения и возможности его перехода в интертекстему: *Газовая скидка станет пирровой победой Украины* (Fin.Org.UA, 23.04.2010). *Гордон Браун одержал пиррову победу* (Независимая газета, 03.07.2008).

В тексте данное аллюзивное словосочетание реализуется, как правило, в предикативной модели: *Решение Конституционного суда – пиррова победа* (Зеркало недели, № 37, 09.10.2010). *Нельзя расправляться с будущим Украины... для страны это будет «пиррова победа»* (Корреспондент, 31.08.2011). Отметим, что функционирование конструкции связано с описанием таких коммуникативных событий, как «выборы», «суд», «борьба за власть», «принятие новых документов» и др. Таким образом, в современных политических текстах *Пиррова победа* является обозначением успеха, купленного столь дорогой ценой, что поражение было бы не менее выгодным.

Интересными контекстуальными фактами являются прагматически маркированные перифразы *Пиррово пиришествво* (Зеркало недели, № 19, 27.05.2011), *Пирровое поражение*: «Есть такое выражение как “*Пирровая победа*”, а украинцы создают новое – “*Пирровое поражение*”. Уже занята ниша демократической позиции и остается ниша маргинальной позиции. Это заявление – прямой шаг к *Пирровому поражению*», – сказал Дмитрий Выдрин (gazeta.ua>ru/post/326480, 09.02.2010), *Пиррова война* (gazeta.ua>ru/post/, 20.01.2009).

Выводы. Таким образом, данные примеры показывают, что аллюзия представляет собой яркий стилистический прием, позволяющий автору создать ассоциативный образ через соотнесение факта или персонажа с другими фактами и персонажами, наполнить этот образ многочисленными коннотациями посредством знания аллюзивного факта. Аллюзии являются одним из элементов

«чужого текста» в авторском тексте, что делает их одним из ярких показателей интертекстуальности.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83-91.
3. Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Т.19. – М., 1975.– 648 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Главный редактор С. А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2002. – 1535 с.
5. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. – М. : Большая Российская энциклопедия, СПб. : Норинт, 1998. – 1456 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Ком Книга, 2007. – 144 с.
7. Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения / Е. М. Дронова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып.3. – Воронеж : ВГУ. – 2004. – С.92-96.
8. Евсеев А. С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Евсеев. – М., 1990. – 18 с.
9. Захарова М. А. Аллюзивные имена собственные как символы и знаки / М. А. Захарова // Актуальные вопросы языкознания, страноведения и методики обучения иностранным языкам: Материалы III межвуз. науч.-практ. конф. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – С. 31-39.
10. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм // Глава III. Постмодернизм как концепция «духа времени» конца XX века [Электронный ресурс] / И.П. Ильин. – М.: Интрада. – Режим доступа: <http://culture.niv.ru/doc/culture/ilyin/index.htm>. Проверено 10.09.11.
11. Машкова Л. А. Аллюзивность как категория вертикального контекста / Л. Е. Машкова // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1989. – № 2. – С. 25-33.
12. Москвин В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: К разграничению понятий / В. П. Москвин // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63-70.
13. Словарь иностранных слов. – М. : Рус.яз., 1989. – 624 с.
14. Словарь современного русского литературного языка // Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 12. – 1675 с.
15. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ: Астрель, 2006. – 1165 с.
16. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Российская АН.; Российский фонд культуры; – 3-е изд., стереотипное – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
17. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. – Т.3. – 1423 с.
18. Тухарели М. Д. Аллюзия в системе художественного произведения: дис. ... канд. филол. наук. / М. Д. Тухарели. – Тбилиси, 1984. – 167 с.
19. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М., 2007. – 280 с.
20. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Т. 2. – М.: Цитадель, 1997. – 396 с.
21. Хайнеман В. Лингвокультурные особенности текстов / В. Хайнеман // Реферативный журнал «Языкознание». – М. – 1999. – № 14. – С. 60-73.
22. Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста / А. П. Чудинов // Лингвистика : Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. В. И. Томашпольский. – Т. 10. – Екатеринбург, 2003. – 177 с. – С. 27-32.
23. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М, 2002. – 667 с.

Звягіна О. С. **Контекстуальні сенси слова в політичному дискурсі** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Частина 2. – С.261-267.

У статті пропонується аналіз сучасної концепції інтертекстуальності, що характеризує одну з найважливіших властивостей тексту – його взаємодію з іншими текстами. Розглядається проблема співвідношення інтертекстуальності і алюзії як окремого випадку прояву міжтекстових зв'язків.

Ключові слова: інтертекстуальність, текст, інтертекст, алюзія.

Zviagina E. **Contextual senses of the word in political discourse** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V. 24 (63). – № 4. Part 2. – P.261-267.

In the article the analysis of modern conception of intertextuality, characterizing one of major properties of text is offered is his cooperating with other texts. The problem of correlation of intertextuality and allusion is examined as the special case of display of intertext connections.

Key words: intertextuality, text, intertext, alluzion.

Поступила до редакції 19.09.2011 р.